

Алексей КОНДРАТЕНКО

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2022

Кондратенко Алексей Иванович родился в 1964 году в Воронеже. Автор десяти книг в жанре литературного очерка и множества публикаций в крупных журналах и газетах России. Очерки включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век». Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» и «Отечествоведение» имени Н.М. Карамзина, премии имени А.Г. Кузьмина журнала «Наш современник». Председатель правления Орловской областной организации Союза писателей России. Живёт в Орле.

«ЗАСТИГНУТЫЙ ВРАСПЛОХ ПЕРЕМЕНАМИ»

Жизнь и творчество Ивана Подсвинова

8 мая 2021 года ушёл из жизни писатель Иван Григорьевич Подсвинов.

Его биография сложилась в обстоятельствах времени: военное детство, увлечение литературой и журналистикой, работа в редакциях, большой писательский труд... Оставил нам два десятка книг, изданных в Москве, Туле и Пятигорске, огромный массив публицистики, который ещё ждёт своего вдумчивого читателя и исследователя.

Иван Подсвинов родился 12 сентября 1939 года в станице Кардоникской Зеленчукского района Черкесской автономной области Орджоникидзевского края. Теперь это территория Карачаево-Черкесской республики, а в давние времена станица относилась к Баталпашинскому отделу Кубанского казачьего войска. Подсвиновы – потомки казаков, которые переселились сюда с Хопра в середине XIX века. Семейство было довольно зажиточным, но в 1920-е – начале 1930-х годов от бывшего достатка ничего не осталось – добротные дома новая власть забрала под общественные нужды, кого-то из казаков сослали на север, кого-то, как бабушку писателя Февронию Ильиничну с двенадцатью детьми, отселили на край станицы в убогие мазанки...

Довершила разорение война с оккупацией. Бои, голод, холод – всё довелось пережить малолетнему Ивану. Отец его Григорий Иванович в то время сражался с фашистами, был награждён медалями и орденом. В мирные годы работал бригадиром, пастухом, кузнецом. Была колхозницей и мать будущего писателя Зинаида Степановна, урождённая Бутенко – из рода бывших малороссийских казаков.

Иван рос таким же, как все станичные мальчишки. Разве что только больше других увлекался чтением, заслушивался рассказами стариков. Однажды он обратил внимание на ошибку в надписи на памятнике павшим воинам. Решил написать заметку об этом в районную газету. В школе после публикации был настоящий переполох, даже вызвали родителей новоявленного юнкора, пытались узнать, кто его надоумил. Но мемориальная надпись была исправлена. Уже много лет спустя Подсвинов вспоминал о той своей первой публикации: «Так я убедился в неотразимой силе печатного слова».

Неудивительно, что после окончания школы он послал документы в Москву, в Литературный институт имени А.М. Горького. Каково же было удивление, когда пришёл отказ: для допу-

ска к вступительным экзаменам, оказывается, требовалось подать авторские художественные тексты, официальную творческую рекомендацию-направление и т.д. А потому отправился на учёбу в железнодорожное училище в Минеральных Водах – здесь готовили бригадиров ремонтников пути.

Городская газета «Коммунист» в новогоднем номере напечатала его заметку о молодых путейцах, причём назвала публикацию очерком. «Я был на седьмом небе, – рассказывал спустя много лет Иван Григорьевич, – и сразу стал знаменит. На другой день «очерк» читали по радио, и я ходил слушать его на привокзальную площадь к висевшему на столбе громкоговорителю...». Подсвилова пригласили в литературное объединение при редакции. «Занятия он посещал с трепетом, как глубоко верующий ходит в церковь. Однажды «Ставропольская правда» поместит снимок: убелённый сединами старейший поэт края Андрей Исаков беседует с начинающими авторами. Среди них был и Иван Подсвилов. Когда станичные одноклассники Ивана Григорьевича увидели этот снимок, они, пожалуй, изумились не меньше, чем полёту Гагарина в космос. Но скоро юный автор понял: «Слава капризна и обманчива, она так же быстро проходит, как и появляется. Собравшись в дорогу, лучше не думать о розах, а помнить о шипах, надо запастись крепкой обувью и терпением»¹.

После училища, в 1959 году, работал на ремонте железнодорожных путей в Дагестане и Чечено-Ингушетии – на станциях Манас («Голубой Манас» – так назовёт одну из первых повестей) и Червлёная-Узловая, потом служил в армии. Его статьи и заметки печатали окружные и дивизионные военные газеты, «Правда Украины». Уже с этим, достаточно солидным для абитуриента, творческим багажом в 1962 году поступил на дневное отделение факультета журналистики МГУ. По окончании вернулся на малую родину, стал работать в областной газете «Ленинское знамя» в Черкесске. Здесь женился на сотруднице редакции Любови Фёдоровне Ворониной, здесь родился сын Иван. Карьера со старта складывалась вроде бы неплохо – почти год исполнял обязанности заведующего отделом культуры, публиковал прозу и стихи на стра-

ницах не только своей газеты, но и альманаха «Ставрополье», «Молодого ленинца» – краевого комсомольского вестника.

Однако что-то не складывалось, как мечталось. Наверное, рамки Карачаево-Черкессии для нарождавшегося прозаика казались тесноваты. Сам Черкесск был невелик – всего около 60 тысяч жителей, в автономной области только треть населения составляли собственно русские. Не было в городке ни литературного журнала, ни издательства...

Весной 1968 года начинающий писатель с семьёй переехал в Орёл. Почему именно сюда, а не в Ставрополь или, к примеру, Ростов-на-Дону? Орёл славился литературными традициями, был расположен сравнительно недалеко от столь памятной по годам учёбы Москвы. К тому же газета «Орловский комсомолец» являлась, по сути, базовой для факультета журналистики МГУ – сюда отправляли на практику, здесь проводили социологические исследования. Вполне можно предположить, что именно старые журфаковские связи и сыграли главную роль в переезде Подсвилова в Орёл. С апреля 1968 года он – литсотрудник «Орловского комсомольца», уже с августа – заведующий ключевым отделом комсомольской жизни. Поселилась чета Подсвиловых в редакционной квартире в доме по Карачевскому переулку.

Позже, вспоминая о жизни в Орле, Подсвилов скажет: «В его творческой атмосфере, разлитой в самом воздухе, мне писалось легко и свободно». Новичка заметили в областной писательской организации, в конце октября 1971 года командировали на межобластной семинар молодых писателей в Туле. Здесь обсуждали произведения из Калужской, Брянской, Тульской, Орловской и Рязанской областей. Из орловцев был ещё и Леонард Золотарёв. Молодого прозаика тогда поддержал П.Л. Проскурин. А на семинаре В.П. Астафьева и Е.И. Носова высокую оценку получила повесть Подсвилова «Родные люди». Уже в следующем году в издательстве «Современник» вышла его первая книга «Танец на белом камне», в составе которой была и повесть. В предисловии Николай Родичев писал: «Сделаны первые шаги в литературе. Трудные, но уверенные шаги. Нелёгко и непросто

путь истинного творца прекрасного, путь литератора. Хочется верить, что орловская земля – земля Тургенева и Лескова, Бунина и Леонида Андреева – пополнилась ещё одним тружеником пера, способным продолжать художественную летопись своего края»².

В мемуарах «Первые и последние» Подсви́ров рассказал о том, как в ноябре 1972 года вместе с поэтом Александром Логвиновым пришёл в гости к «последнему орловскому классику» Евгению Горбову. Это был вечер, полный общения и радости. А Горбов, которому оставалось жить чуть больше полугода, напутствовал юных собратьев по перу:

– Друзья! Все писатели – выдумщики и фантазёры, те же странствующие рыцари: гоняются за мечтой, за призраком и никогда не достигают цели. Она ускользает! Нас считают глупцами, хуже того – помешанными, но мнение толпы не должно смущать благородные сердца. Только вперёд! Наши уши не услышат ни завистливых осуждений, ни насмешек...³

На следующий год Золотарёва и Подсви́рова приняли в Союз писателей СССР. В июне 1973 года автор «Танца на белом камне» был избран членом художественного совета Орловского бюро пропаганды художественной литературы.

Прекрасный очеркист, в редакции, не в пример иным, не «тянул официозность», почти не делал отчётов с пленумов и комсомольских конференций. Как вспоминал коллега Подсви́рова по «Орловскому комсомольцу», журналист и писатель Владимир Самарин, у него был очень редкий для творческой личности дар: никому не ставил подножки, всем помогал. А ещё был благодарен даже за небольшие добрые поступки. К примеру, если кто выпил лишнего, не спешил высмеивать или обличать, просто приговаривал:

– Ты присядь, успокойся...

Кто-то из орловского окружения воспринимал это как недостаток характера, как слабость – Подсви́ров говорил обо всех хорошо. Когда сотрудник делал откровенные ошибки в журналистском материале, душевный Подсви́ров успокаивал: «Он ещё учится, ещё не знает города, не познакомился с особенностями комсомольской жизни. Но обязательно познакомится».

Не критиковал взахлёб журналистов на летучках. Мог сказать с глазу на глаз:

– Это у тебя не очерк, а басня получилась. При этом плохая.

Читая слабую рукопись, звал автора, напоминал о том, что в редакции работают такие «зубры», как Олег Концевич, Владимир Муссалитин.

– Как они прореагируют? Ты решишься им прочесть?

Поэту Виктору Дронникову, сотрудничавшему в «Орловском комсомольце», подсказывал:

– Ты лучше напиши о маме, об отце, это будет интереснее, чем соревнования спортшкол.

В самом деле, отец Дронникова погиб на фронте, мать вынесла все тяготы войны...

Подсви́ров не был «застольником», но в то же время вполне компанейский, запросто входил в любой круг общения. Журналистам «Орловского комсомольца» открыл прозу Виктора Астафьева и Василия Белова, приносил их книги в редакцию, советовал повнимательнее вчитаться.

Однажды он спросил Самарина:

– Как тебе Носов?

– Мне нравится его проза, но...

– Да ты что? Какое «но»?

– Там сибирские и зауральские говоры.

– А ты знаешь?

– Читаю, люблю сибирских и уральских авторов.

– Может быть, он это делает для красоты?

И усомнившийся Подсви́ров прочёл заново всего Носова:

– Ты прав. Но давай его простим. Потому что всё остальное прекрасно.

Однажды Самарин заспорил с Подсви́ровым о языке героев прозы:

– Они у тебя почти все говорят, как в Орле. Давай поедem в Спасское-Лутовиново, послушаем...

Захватили с собой вино, закуску. Уселись на поваленном дереве в старом саду, закурили. Подъехал на лошади пастух – предложили ему чарку, заговорили «за жизнь». На удивление, пастух заговорил о ... матери Тургенева Варваре Петровне. В речи потомка крепостных не было «сибиризмов». Но это не был уже и тот искон-

ный язык, на котором вырос автор «Записок охотника». Это был язык современный, «отделанный» городом, радио, приезжими людьми.

Подсвиров был удивлён услышанным: «Это же земля Тургеневская!»

Он был единственным, кто помог Самарину издать первые литературные опыты. Подбадривал: «У тебя есть хорошие сюжеты, несколько хороших слов». А потом сказал прямо: «Давай рукопись, отнесу в редакцию «Молодой гвардии» в Москве». Пока книжка готовилась к печати дважды сменился главный редактор, но сборничек всё же вышел.

В Москве и Туле тогда почти ежегодно выходили в свет сборники прозы Подсвинова: «Шаги к перевалу» (1973), «Сто лет любви» (1974), «Завтра – первое сентября» (1976), «Погоня за дождём» (1978), «Касатка» (1979), роман «Красные журавли» (1981).

Конечно, каждая из этих книг достойна не одной страницы литературоведческих изысканий. Хотелось бы хотя бы фрагментарно, опираясь и на оценки других авторов, показать читателю весь творческий диапазон Подсвинова.

Большинство произведений – о малой родине писателя, о Ставрополье. На орловском материале написаны рассказы «Из одного города», «Кукушкина песня», «Поэт», новелла «Такая жизнь». Плюс книга «Орловский характер». Изданный в Туле сборник «Шаги к перевалу» открывался повестью «В нашем хуторе Марушанке»: «Течёт Касаут... То сердито вскипает бурунами, брызжет пеной на скалы, убыстряя свой бег, торопясь вырваться на вольный простор, то затихает в низинах, прячась в зарослях ивняка и колючей дерезы... Никогда не бывает одинаков Касаут. Найдут свинцовые тучи, хлынет ливень – мрачно насупится, помутнеет, расшумится он и ну глухо ворчать гольшами, вскидывать себе на спину коряги и выхваченные с корнями деревья, с тяжким гулом вздымать крутую волну; а проглянет сквозь хмарь солнце – и будто чистое серебро рассыплется от берега до берега...»

Приокское книжное издательство рекомендовало читателям «Шаги к перевалу»: «Многочисленные поездки, встречи с людьми, горячая заинтересованность в их судьбе во многом опре-

делили характер и манеру письма. Повести и рассказы, нередко драматичные по содержанию, исполнены светлой веры в человека, пробуждают чувство любви к родной земле и её людям». Небольшая повесть «Шаги к перевалу», давшая название всей книге, открыла читателю неизвестную страницу Великой Отечественной войны: особое задание небольшой группе разведчиков, которым предстоит узнать, как именно идёт снабжение горной фашистской группировки оружием и боеприпасами. Ценой своей жизни солдаты добывают эти сведения.

Ставропольский журналист и литературовед Николай Блохин так отозвался об этом произведении: «Повесть Подсвинова «Шаги к перевалу» пришла к читателям, когда на слуху была другая книга о защитниках Марухского перевала. Это была книга Владимира Гнеушева и Андрея Попутько «Тайна Марухского ледника». Возможно, поэтому повесть Подсвинова не получила столь широкого признания в стране, а может быть, потому что её напечатало областное, а не столичное издательство. Это была вторая книга молодого автора... Повесть стоит в одном ряду с литературой о Великой Отечественной войне, которую литературоведы относят к книгам, рассказывающим о «боях местного значения», таким, как повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», Василя Быкова «Знак беды», Юрия Бондарева «Батальоны просят огня»... И потому я всегда сожалел о том, что по повести Подсвинова не поставили фильм»⁴.

Критик А. Шагалов отмечал: «Все повести Подсвинова, за исключением «Чинары», написаны от первого лица. Это не просто приём. Автор сознательно берёт на себя функцию рассказчика, как бы стремясь тем самым придать максимальную достоверность происходящему. В этой реальности, изображаемой им, есть все условия для сложного и противоречивого человеческого взаимодействия. Выражая своё мнение через героев, писатель не просто отзывается на хорошее и плохое в жизни, но пытается выделить в ней то, что способствует духовному преобразованию человека»⁵. И ещё две ремарки из обзора: «В глубоко личных рассказах Подсвинова, даваемых от первого лица, внешне спокойная манера повествования сочетается с острой

конфликтностью и жизненным драматизмом... Подавляющее большинство его произведений написано на деревенскую тему. Куда стремится наша деревня, какие процессы сопровождают её движение, какие потери и обретения ожидают её на этом пути, – над этими и другими вопросами размышляет и пытается разобраться Подсвиров в своих повестях»⁶.

Повесть «Касатка», по мнению того же Шагалова, лучшая из повестей автора⁷, о послевоенной нелёгкой женской доле. Именно так зовут в станице пожилую казачку, которая на страницах книги становится собирательным образом, символом русской женщины, не утратившей на ветру истории доброты, нежности, любви к жизни.

Показательно, что критики не только поддерживали молодого автора, но и довольно жёстко указывали на недостатки его прозы. В этом легко убедиться, если пролистать страницы столичной периодики 1970-х – 1980-х годов.

Вот как отзывались на его повесть «Танец на белом камне»:

«В поисках более сильных выразительных средств автор на минуту как бы изменяет себе, сбивается на неуместный патетизм»⁸.

«Слабые мотивировки поступков героев, некоторая заданность в решении частных конфликтов, невыразительность языковой характеристики персонажей»⁹.

«Повесть, на мой взгляд, не получилась. Да, в сущности, повесть ли это или растянутый и оживлённый авторскими отступлениями авторский очерк об одной неудачной горской свадьбе?»¹⁰

«Внимание к подробностям быта, обстановки, конечно, достоинство. Но этого мало, если нет умения проникнуть в суть вещей»¹¹.

О повести «Родные люди»: «Повесть написана языком образным и музыкальным... В ней нет ставшей кое для кого модной идеализации патриархальщины. Но всё-таки нет в «Родных людях» и глубокой оригинальности. Подсвиров во многом идёт по следу, до него проложенному авторами многих лирических повестей о деревне»¹².

О сборнике «Танец на белом камне»: «Чуткость Подсвиорова к детали чувствуется в книге постоянно, автор владеет и искусством сюжета, речь его нестандартна»¹³.

О сборнике «Родные люди»: «Реальная дорога принимает здесь в известной мере и значение исторической. Но в этом качестве у писателя она, к сожалению, теряется в некоторой безвременности настоящего в повести»¹⁴. «Хотелось бы видеть более определённые социальные приметы времени»¹⁵.

Орёл стал второй родиной Подсвиорова – как писателя. Здесь он заметно вырос в творческом плане. Ещё в мае 1972 года ушёл из редакции «Орловского комсомольца» на «вольные хлеба». Со временем появились куда более солидные, чем удостоверение заведующего отделом областной газеты, регалии. Подсвиорова ввели в состав творческого совета по прозе Союза писателей России. Прозаик был избран заместителем ответственного секретаря областной писательской организации (возглавлял её в то время поэт и краевед В.М. Катанов), секретарём партийной организации орловских писателей.

Но газетная работа, как первая любовь, не забывалась, не давала покоя творческой душе... В ноябре 1977 года Подсвиров пришёл к редактору «Орловской правды» С.В. Коробкову с просьбой взять в штат. В прилагавшейся к листку по учёту кадров автобиографии назвал причину: «Во мне пророснул зуд по горячей

газетной строке, и я решил вернуться на прежние круги».

Встретив его в Доме печати с листками рукописи, коллеги спрашивали:

– Новый рассказ?

– Нет, очерк о хлеботоргах. Пока рождается замысел новой книги, нельзя сидеть сложа руки.

По командировкам «Орловской правды» объезжал районы, часто бывал на промышленных предприятиях, появились интересные публикации о проблемах экономики, партийной работы. Однако и на этот раз «роман с редакцией» оказался относительно недолгим – Подсвиров уволился из «Орловской правды» в июне 1978 года.

С годами он стал уже не столь доброжелателен и незлобив, как первое время в Орле. Жизнь требовала оценок, решений, напряжения. В одних рецензиях всецело поддерживал авторов – например рукопись книги Бориса Попова «Письма в Варшаву», сборник стихов Леонарда Золотарёва, прозу тогдашнего обкомовского работника Владимира Пирогова. А вот по поводу бывшего ответственного секретаря «Орловской правды» отозвался категорично: «Повесть В. Кузьмина «Если друг в беде» нуждается в серьёзной переработке, чтобы автор имел право ставить вопрос о её переиздании».

Супруга Любовь Фёдоровна в те годы набирала авторитет в музее И.С. Тургенева. Поначалу, по приезде в Орёл, она окончила годичные курсы медсестёр и по специальности работала в детских яслях. Потом пришла в музей на должность библиотекаря, поступила на заочное отделение филологического факультета пединститута. Её учителями здесь были такие именитые профессора и доценты, как Г.Б. Курляндская, И.С. Торопцев, Л.Н. Афонин, В.А. Громов. Любовь Фёдоровна была в музее экскурсоводом, научным сотрудником, старшим научным сотрудником музея писателей-орловцев. Именно она участвовала в научном описании архива ушедшего из жизни Е.К. Горбова... Судя по публикациям Подсвинова тех лет, и у него появился интерес к литературной истории Орловщины, к творческому наследию старших коллег. «Связь времён» – так назывался большой очерк о лесковской Гостомле в юбилейном номере «Орловской правды» к 150-летию со дня

рождения Н.С. Лескова¹⁶, «Хранитель вечного» – о старейшем сотруднике музея И.С. Тургенева А.И. Понятовском¹⁷. А внимание к традиции, как известно, заставляет строже относиться к современности.

Пожалуй, чётко принципиальные позиции впервые обозначились на писательском собрании в июле 1979 года. Оно было посвящено неординарной ситуации – Виктор Дронников написал развёрнутое письмо в райком КПСС, где шла речь о множестве проблем в местном писательском цеху. Иные коллеги считали, что Дронников написал письмо по подсказке Подсвинова, но, собственно, речь шла не о том, тем более что рефреном звучал призыв не нагнетать страсти.

На том собрании Подсвиров критиковал Катанова за слабые стихи, которые печатались в «Орловской правде». Более того, строкой из басни «кукушка хвалит петуха» назвал историю, когда Яновский и Катанов обменивались на страницах газеты лицеприятными рецензиями.

Досталось и самому Подсвинову. Критиковали его за то, что почти не выступает в трудовых коллективах. Поэт Иван Александров упрекнул: а что сделал сам Подсвиров как заместитель Катанова? Вторил ему Яновский: «Подсвиров говорил, что в моих книгах много газетного. А ведь и в его книгах это есть». Катанов защищался: «Подсвиров передёргивает факты, мешая работать». Едва ли не главным аргументом его обороны было решение квартирного вопроса: за несколько лет практически все члены писательской организации улучшили жилищные условия. Подсвиров, в частности, получил трёхкомнатную квартиру в панельном доме на набережной Дубровинского, где поселился тогда и «возмутитель спокойствия» Дронников.

Поддерживал Подсвинова его давний собрат по творчеству (оба работали в «Орловском комсомольце» и «Орловской правде») Леонард Золотарёв. «Разбор полётов» окончился для Подсвинова относительно благополучно. Более того, избрали делегатом V съезда писателей РСФСР (состоялся в Москве в декабре 1980 года). А в 1981 году в издательстве «Современник» вышел его большой роман «Красные журавли». В издательской аннотации к роману говорилось:

«Произведение многоплановое, остросюжетное, написано запоминающимися красками. Главный герой – председатель колхоза Фёдор Иванович Воронков. Под его руководством труженики Кубани возрождают колхоз после войны, затем умно и по-хозяйски решают проблемы сегодняшнего дня. Писатель правдиво, с жаром сердца показывает своего героя как человека, который один «побеждает» целый коллектив колхозников, вселяет в них веру в свершение намеченных планов»¹⁸. Критик А. Шагалов подчёркивал: «Писатель показывает процесс послереволюционного расслоения кубанского казачества, с которого и начинается история судеб героев... Думается, стремление автора разобраться вместе со своими героями в причинах нарушения связей человека с землёй, судя по направленности творческого поиска Подсвинова, ещё проявится, даст о себе знать в произведении о людях Нечерноземья»¹⁹.

Примечательно, что название романа позаимствовано из одноимённого очерка Владимира Самарина.

Подсвинов (был он чуток на интересную фразу, будь то русский или украинский языки, кубанское наречие) тогда обратился к Самарину:

– Разрешите мне поставить заголовок. У тебя это было так точно. Ты нашёл это, а у меня не получилось...

Сам Самарин откликнулся на роман положительной рецензией²⁰, которая завершилась так: «Роман отвечает высоким требованиям. Сознать это радостно и приятно. И очень хочется, чтобы с такой же меркой идейно-художественной взыскательности относились к своей работе другие орловские прозаики».

Получалось, что каждая новая книга, выходящая у Подсвинова в Москве, как бы подхлёстывала орловских коллег, заставляла задуматься о качестве собственных произведений. К тому же, вернувшись с писательского съезда, Подсвинов поделился на страницах «Орловской правды» откровенными размышлениями о творчестве, о роли писателя в современной непростой жизни. Увы, вопросов было множество. И решения съезда, и настрой делегатов так или иначе требовали перемен в областной литературной жизни.

И не только в жизни литературной. Откроем газету «Советская Россия» за декабрь 1981 года. Рубрика «Размышления писателя», статья Подсвинова «Пожижёшь, что посеешь»: «Сердце болит, когда видишь, с какой беспечностью относимся мы к так называемым «недостаткам», не беря на себя смелость выкорчёвывать их, вырывать из нашей жизни без следа. Где, когда, почему растеряли мы эту решимость, стали соглашателями, научились красноречивой, но бесплодной критике, похожей, извините, на кокетливое разведение перед публикой? Понимаю, что не везде так, но страшно то, что уже это «не везде» воспринимается исключением, чем-то удивительным и необычным... Люди не доросли? Или мешает инерция смирения, так долго копившаяся в них»²¹.

Вскоре – в начале января 1982 года – состоялось отчётно-выборное собрание Орловской писательской организации. В нём участвовали секретарь Правления Союза писателей РСФСР В.Д. Поволяев, заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Г.А. Зюганов, его заместитель В.И. Фёфелов, члены литературного объединения.

Сразу после отчётного доклада ответственного секретаря организации Катанова выступил Подсвинов. Приведу его выступление почти полностью: «Нашу писательскую организацию по возрастному цензу считают одной из самых молодых в республике. В своё время мы даже гордились этим обстоятельством, ибо оно как-то воодушевляло и давало надежды на качественный взрыв, на вероятность серьёзных литературных свершений. Мы ждали и надеялись: вот-вот что-то произойдёт, и на Орловщине появятся достойные фигуры, которые органично вольются в русло всесоюзного литературного процесса. Да, эти ожидания, эти надежды не были лишены основания. Неплохо начинали свой творческий путь Иван Рыжов, Николай Калинин, Виктор Рассохин, Виктор Дронников, Игорь Крохин, Леонард Золотарёв, Александр Логвинов и другие. Однако незаметно начала срабатывать инерция и наступило торможение. У нас так и не появился, условно говоря, свой Василий Белов, Валентин Распутин или, допустим, свой Николай Рубцов. Да что об этом гово-

ритель, мы, к сожалению, не можем назвать в своей среде хорошего, по-настоящему талантливого очеркиста, который на уровне Ивана Васильева, не говоря уже об Овечкине, поднимал бы в боевой публицистике сложные проблемы Нечерноземья.

С печальным уходом наших старших собратьев по перу Е.К. Горбова, В.А. Мильчакова, Л.Л. Сапронова, Л.Н. Афонина, с отъездом в Калининград Е.А. Зиборова в Орловской писательской организации утрачен тон строгой творческой взыскательности, позитивной критики и самокритики, доброжелательности, а стал угрожающе развиваться дух меркантильности и неприкрытых дяляческих отношений, вошли в привычку взаимные оскорбления.

У нас давно укоренилась вредная практика включать рукописи в издательские планы без обсуждения их на писательских собраниях. Издательскую пищу готовят на тесной кухне при закрытых окнах, так сказать, келейно, в узком домашнем кругу, оттого она пахнет привкусом отсебятины, оттого выходящие в местном издательстве книги всё чаще подвергаются критике в печати, оттого они серые и периферийные по своим идейно-художественным достоинствам.

Во многих упущениях в первую очередь виноваты мы, коммунисты.

В заключение позвольте мне напомнить напутствие А.А. Фадеева, 80-летие со дня рождения которого широко отмечается по всей стране: «Отсутствие борьбы за высокое художественное качество в Союзе писателей портит молодых литераторов, – писал он. – Не пора ли понять, что без страстной принципиальной борьбы за высокое художественное качество, за цельность в искусстве нельзя создать высокого социалистического искусства».

Будем помнить это духовное **завещание** одного из основоположников советской литературы. Дело не столько в личности Катанова (как человеку и творцу в самом себе я желаю ему всех благ), дело, повторяю, в негодных методах руководства одним из сложнейших творческих организмов, в созданной нездоровой творческой атмосфере. По строгому счёту, мы решаем сегодня, как жить и работать дальше,

каким образом утвердить обычные нормы профессиональной порядочности, с тем, чтобы поднять уровень нашей работы на высоту тех задач, которые определены в исторических решениях XXVI съезда КПСС».

По итогам собрания Катанов не был избран в состав правления (не хватило одного голоса). Правление в этот же день избрало ответственным секретарём Подсвинова, а его заместителем – Яновского.

Затем события в жизни новоизбранного секретаря развивались как бы в двух измерениях. Собрания, заседания бюро, встречи с читателями, публикации в прессе, рецензии... В ноябре 1982 года Подсвинов издал приказ по поводу плохой организации выступлений писателей в сельских районах, объявил выговор и сделал замечания сотрудникам бюро пропаганды художественной литературы. В феврале 1983 года – поездка в Ливны, в марте там же – читательская конференция по роману «Красные журавли». Был на отчётных партийных собраниях в двух колхозах, чтобы написать очерк для коллективного сборника. Отобрал лучшие произведения членов ливенского литобъединения для сборника «Восход». В конце марта – начале апреля был в Москве. Формально – по вопросам подготовки Фетовского праздника поэзии (обычно проходил в последние выходные дни мая), составления коллективного сборника «Восход». Участвовал в заседании совета по русской советской прозе при Правлении Союза писателей РСФСР. Именно в эти дни решался вопрос: оставаться в Орле или перебраться в Москву?

Определявшие судьбу Подсвинова события происходили именно там. Принятие разработанной под руководством бывшего секретаря Ставропольского крайкома, а тогда секретаря ЦК Горбачёва продовольственной программы СССР (май 1982 года), смерть Брежнева (ноябрь 1982-го) и избрание на высшие посты уроженца Ставрополя Андропова. У ставропольской диаспоры открылись просторы. Так, выдвигенец из Будённовска журналист Георгий Пряхин стал телеведущим на Центральном телевидении, затем заместителем председателя Гостелерадио СССР, заместителем заведующего отделом ЦК КПСС.

Так и Подсвинову прочили теперь в «Советской России» место «второго Васильева». Для тех, кто подзабыл реалии тех дней, напомню: Иван Васильев (1924 – 1994) – писатель и публицист, лауреат Государственной премии РСФСР (1980), Ленинской премии (1986), народный депутат СССР (1989). Жил на Псковщине, выступал с острыми публицистическими статьями и очерками о русской деревне в «Советской России». Подсвинов вспоминал позднее: «В стране происходили бурные социальные перемены, всё пришло в движение, многое казалось отжившим. Я почувствовал тоску и необходимость в перемене образа жизни, в накоплении новых впечатлений. В тот момент из Москвы поступило предложение о сотрудничестве в центральной газете. В мае 1983-го меня утвердили спецкором «Советской России». Крутая ломка: от писательской отрешённости к напряжённой, часто на грани риска, журналистской работе. Постоянные командировки, разбирательство острейших конфликтов, приобщение к сложным человеческим судьбам...»

Подсвинов ушёл с должности ответственного секретаря (председателя) Орловской писательской организации в апреле 1983 года. Исполняющим обязанности руководителя тогда стал Николай Калинин, затем Иван Рыжов. В итоге на должность был избран Анатолий Шиляев, прежде возглавлявший бюро пропаганды художественной литературы.

Уход этот нельзя отнести к разряду триумфальных в истории писательской организации в Орле. Всего чуть больше года прошло с того дня, как Подсвинов принял обязанности вожака. Сделать удалось совсем немного. У кого-то решение вызвало недоумение, у кого-то злораство. Но свой брат-журналист знал точно: шанс попасть в центральную прессу может быть только раз в жизни. А тут ещё удача – не просто отправиться собкором куда-то на север или в национальную республику, а получить место в самой редакции, в Москве. Собратья по «Орловскому комсомольцу» и «Орловской правде» провожали Подсвинова с восхищением. А он, расчувствовавшись, признался: на самом деле нет у меня никакой мечты о карьере, было только желание работать литературным кон-

сультантом в редакции в Орле, чтобы оставалось время писать свои вещи.

В предперестроечной Москве Подсвиновы не сразу, но постепенно обустроились. Получили квартиру в Долгопрудном – всего полчаса на электричке от здания редакции. Любовь Фёдоровна стала работать в музее Л.Н. Толстого. В 1983 году в серии «Писатель и время» издательства «Советская Россия» вышла небольшая книга Ивана Григорьевича «Орловский характер», содержащая очерки «Орловский характер», «Вечная сила», «Поездки в Сетенёво», «Уважение к хозяину».

Вот начало одного из очерков: «Хороши старинные орловские сёла. В их певучих, с грустинкой, названиях – Альшань, Раздолье, Ключ-Колодезь, Добрая Вода, в их местоположении – по склонам заросших оврагов, вдоль речек и ручьёв, образующих чистые озера, заключена сама поэзия. Скромные, непритязательные деревушки, без архитектурных изысков, без удобств, стойко спорят с молодыми селениями городского типа. Многие жители – позднее не раз убеждался в этом – относятся к старым деревушкам с большим почтением и, коль скоро не припекло, не намерены переселяться в благоустроенные квартиры. Когда-то меня удивляло это упорное сопротивление, а нынче я совершенно уверен: так и должно быть! И дело тут не только в консервативности крестьянских представлений, как полагают рьяные сторонники научно-технического прогресса.

Дело простое, житейское... Люди ставили избы на склонах, в затишье, чтобы по одну сторону усадьбы были луг и вода, а по другую – огород, с деревьями по меже, с фруктовым садом. Подворья располагались на уважительном расстоянии друг от друга, тем самым достигалось сохранение некой семейной тайны и доброго соседства. Эстетика крестьянского быта сызмала воспитывала в человеке разностороннего работника, уберегала от лени, духовного онемения. В свободные часы он мог заняться полезным ремеслом, благо к тому располагала вся окружающая обстановка: и сад с пчелиными ульями, и всякие занятные пристройки, в коих содержалась домашняя живность, а также бесхитростные инструменты, возбуждавшие страсть

к совершенствованию унаследованного от родителей мастерства».

После столь лирического вступления автор вопрошал: «А нынче? Чем нынче может заняться после работы селянин, переселившийся в типовой посёлок?.. Дома, как правило, ставят в куче, один к одному, земли нарезают в лучшем случае по несколько соток на двор, а то и вовсе обделяют ею новосёлов».

Вопросы, вопросы. Крайне неудобные, заметим, для власти вопросы! Но статья «вторым» Иваном Васильевым Подсвинову, при всех ожиданиях и авансах, было уже не суждено. Ему тогда казалось, что общество, власть ждут острой, качественной, аналитической публицистики. Вместе с собкором «Советской России» Владиславом Селивёрстовым Подсвинов напечатал серию аналитических статей о состоянии сельскохозяйственного производства на Ставрополье. Вынесенная на всеобщее обозрение правда вызвала гнев Горбачёва: строптивые журналисты раскритиковали всё то, чем он совсем недавно красовался перед Москвой. Подсвинова и Селивёрстова вызывали в ЦК, прорабатывали, требовали покаяния. После такой «читательской конференции» Селивёрстов попал в больницу, Подсвинов вынужден был уйти из редакции.

Работал потом в «Правде», которая отличалась от «Советской России» куда большей приверженностью партийным идеалам. Журналист Александр Ильин вспоминал: «Ко мне, тогда руководителю отдела партийной жизни «Правды», привёл довольно робкого орловского провинциала Геннадия Зюганова его земляк и наш сотрудник Иван Подсвинов. Тогда и появилась в «Правде» его первая статья». На статью откликнулся Владимир Самарин, работавший в то время в «Орловской правде». Отклик был полемический, письмо долго и безнадежно гуляло по кабинетам, пока главный редактор не отдал его Подсвинову со словами:

– Сам разбирайся со своими земляками.

Подсвинов позвонил давнему коллеге Самарину:

– Ты правильно всё написал. Но я не знаю, что делать. Это коммунистическая газета. Если напечатаем, Зюганов поднимет шум... Я могу в любую другую редакцию отдать.

Самарин махнул рукой:

– Нет, оставь себе.

Подсвинов только вздохнул:

– Ради бога, прости...

С удостоверением «Правды» Подсвинов побывал во всех союзных республиках, во множестве регионов России, в горячих точках... В «послеорловский» период до распада СССР у него вышло только два одноимённых сборника прозы «Касатка» (1986, 1991). В это время сам он выступает как составитель коллективных писательских сборников, например «Писатель и время» (1988). Там был напечатан, в вернее, перепечатан недавно прогремевший в Орле очерк Владимира Почечикина «Записки провинциала» (им открывался 11-й номер журнала «Наш современник» за 1986 год). Очерк был настоящей «бомбой» – разгрому подверглись музейная практика Орла, сложившаяся здесь система охраны историко-культурного и литературного наследия, мощные удары были нанесены и по репутации конкретных хранителей старины с многолетним стажем.

Могу высказать предположение, что Подсвинов не случайно поддержал мало кому известного автора – все эти разоблачения запросто было поставить в Москве под сомнение. Но Подсвинов, отлично знавший литературную и музейную кухню города, очерк напечатал. Как ни парадоксально для обывателя, в этом и выразилась (в который раз!) его любовь к Орлу. Вынося на суд общественности большие проблемы, он мечтал о том, чтобы в этом исконном русском городе власть куда внимательнее относилась к истории, литературе, искусству. Не случайно в одной из редких (увы!) его публикаций тогда в «Орловской правде» прозвучали такие исповедальные слова: «Наши писатели потратили немало таланта на воспевание мудрости народа, его богатырской удали, мужества и воли, и это не может быть подвергнуто сомнению, но в то же время мы как бы стеснялись говорить об излишней доверчивости и наивности русской души, готовой подчас хитрого корыстолюбца принять за своего заступника, отпетого лжеца – за праведника, властителя дум»²².

На протяжении почти двадцати лет (1992–2010) у Подсвинова не вышло в свет ни одной книги.

Даже после революции 1917 года прежние «короли тиражей» хоть с чем-то, но выходили к публике. Резко изменилось всё: издательское дело, потребности аудитории, тематика, герои и стилистика прозы... «Застигнутый врасплох переменами» (его собственное выражение) Подсвилов не мог и не хотел писать бульварные романы. Те годы для него были богаты не новыми книгами, а званиями, должностями, литературными премиями. Работал спецкором «Российской газеты», заместителем главного редактора «Подмосковных известий», редактором городской газеты в Долгопрудном. С 1997 года был первым заместителем главного редактора журнала «Фактор», учреждённого Газпромом. По его инициативе начал выходить альманах «Литературный факел» (и здесь был заместителем редактора). Дважды публиковал очерки в журнале «Сибирские огни».

Статьи и очерки Подсвилова переведены на английский, немецкий, испанский, португальский, болгарский и другие языки. Был членом правления Союза писателей России и Московской городской организации Союза писателей, юбилейного комитета по организации празднования 100-летия со дня рождения С.А. Есенина. Лауреат Пушкинской и Чеховской литературных премий, Международного конкурса «Умное сердце» имени Андрея Платонова, премий имени В.И. Вернадского, Министерства культуры Ставропольского края.

Лично мне из того времени памятна первая встреча с Подсвиловым в середине ноября 1998 года, когда в Московской городской организации Союза писателей проходила конференция, посвящённая современной литературе Орловщины. Из Орла приехала большая группа писателей, были обстоятельные дискуссии, выступления литературных критиков, возможности для неформального общения. Всё время среди московско-орловской пишущей братии была заметна коренастая фигура неизвестного мне человека. На лице его я видел скромную загадочную улыбку и сдержанный интерес в глазах. Он был здесь как бы и свой (знакомец всем), и не свой (не слышно было его голоса, панибратских разговоров и восклицаний: «А помнишь?»). Я спросил тогда у Юрия Оноприенко, знаком ли

он с этим писателем. Тот сказал как само собой разумеющееся: «Да это Подсвилов!»

Весной 2011 года, когда в Орле готовился первый Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Хрустальный родник», организаторы предложили кандидатуру Подсвилова как писателя-земляка в жюри конкурса. Я позвонил ему по этому поводу на домашний телефон. Иван Григорьевич взял трубку, выслушал и ответил вежливым отказом: не позволяет самочувствие. Действительно, все эти годы в Орле он практически не бывал, хотя возможностей оказывалось немало: писательские съезды, пленумы, выездные секретариаты, литературные праздники... Как-то забылись и старые «дружбы», например, с тем же Леонардом Золотарёвым – в своей мемуарной книге «Судьба-судьбушка» теперь он лишь пару раз упомянул своего бывшего соратника, да и то в перечислении многих фамилий.

Хотя Орёл и стал Подсвилову второй родиной, но из Москвы тянуло на родину исконную. В Кисловодске (примерно в ста верстах от Кардоникской) Иван Григорьевич и Любовь Фёдоровна купили часть старого дома на улице Клары Цеткин и теперь проводили «на Водах» весну, лето и осень. Там же постепенно обозначился нестоличный круг публикаций: журнал «Южная звезда» (Ставрополь), альманах «Литературное Ставрополье»... В альманахе «Литературный факел» появились воспоминания о встречах Подсвилова с Константином Симоновым, Виктором Астафьевым, Евгением Горбовым, Владимиром Солоухиным, Евгением Носовым, Борисом Можаяевым... В итоге очерки составили книгу «Первые и последние», изданную в Пятигорске в 2011 году. Там же вышли книга прозы «Житие в эпоху перемен» (2013), заметки о жизни и творчестве Виктора Лихоносова «Знак судьбы, или Что-то будет» (2016), сборник стихов, дневниковых записей, заметок о литературе и искусстве «В стране далёкой...» (2019).

В Пятигорске вышли второе и третье издания (2011, 2013) книги Л.Ф. Подсвиловой «Софья Толстая-Есенина. Семья. Окружение. Судьба» (первое – в Туле в 2010 году). 500-страничный том посвящён жизни и деятельности замечательной женщины – внучки Л.Н. Толстого и последней жены С.А. Есенина, к тому же директора

музея Л.Н. Толстого с 1942 по 1956 год. Подсви-
рова, работавшая много лет заведующей отделом
этого музея, заслуженный работник культуры
России, написала книгу на основе уникальных
исторических документов из личного архива
Толстой, архивов её родственников и друзей.

К 75-летию И.Г. Подсви́рова, которое отмеча-
лось в музее Л.Н. Толстого, Орловский музей
И.С. Тургенева прислал приветственный адрес:
«Вы, родившийся в Кавказском предгорье, как
писатель окончательно сформировались «в том
плодородном подстепье, откуда вышли чуть
не все величайшие русские писатели во главе
с Тургеневым и Толстым». Ваше имя включено
в библиографический словарь «Писатели Орлов-
ского края», а в коллекции нашего музея суще-
ствует Ваш личный фонд, который, мы надеемся,
будет пополняться. Мы будем очень рады видеть
Вас в Орле, хотелось в нашем музее провести
Ваш творческий вечер, припомнить былое и
помечтать о будущем. Примите наши искрен-
ные поздравления и наилучшие пожелания
из Орла».

Орёл... Полтора десятка лет прожил здесь Иван
Подсви́ров. Приехал в город на Оке корреспон-
дентом молодёжной газеты, а уезжал автором
восьми книг, руководителем писательской орга-
низации, публицистом всероссийского уровня.
Да, были здесь на рубеже 1970-х – 1980-х годов
горячие споры, искания, грозные речи и обиды.

Но время всему дало свой смысл и значение. Да и
поредели ряды бунтарей.

С теплом и грустью вспоминая о том времени,
он в марте 2012 года сделал такую дарственную
надпись на новой книге: «Истинно орловскому
писателю и краеведу Василию Михайловичу
Катанову – от Ивана Подсви́рова, застигнутого
врасплох переменами. Надеюсь, Вы с любопыт-
ством воскресите в памяти наше посещение
Евгения Константиновича Горбова в больнице,
наши поездки на поклон к А.А. Фету, встречи
в Орле и Спасском-Лутовинове с Б.А. Можая-
вым, В.П. Росляковым, Ю.Б. Лукиным, Ю.П. Куз-
нецовым и другими литераторами. Многих уж
нет, годы протекли, шелуха отсеялась, и моя
скорбь беспредельна. Но уныние – грех.

Здоровья и мужества!

Обнимаю Вас и желаю долгих лет жизни!»

Подсви́рову довелось испытать в своей
жизни очень многое – и славу, и успех, и затяж-
ной период небрежения со стороны читаю-
щей публики. Был и истовым провинциалом,
и столичным деятелем. Воспел родную станицу
в прозе, но лишь очерковой строкой запечат-
лел иные города и веси. Учился и учил, поста-
вил великое множество вопросов, но, наверное,
получил немного верных ответов. При должно-
стях и званиях, на крутых поворотах истории
оставался прежде всего писателем. И это оказа-
лось главным в его судьбе и биографии.

1 Подробнее см.: Блохин Н. «Погоня за дождём» // Ставропольский хронограф на 2009 год. – Ставрополь, 2009. – С. 185 –193.

2 Родичев Н. [Предисловие] // Подсви́ров И. Танец на белом камне: повести. – М., 1972. – С. 3.

3 Подсви́ров И. Первые и последние: о памятных встречах и беседах с ушедшими писателями XX века. – Пятигорск, 2011. – С. 147.

4 Блохин Н. Указ. соч.

5 Шагалов А. Своя борозда: о прозе Ивана Подсви́рова // Молодая гвардия, 1982, № 1, с. 270.

6 Шагалов А. Своя борозда: о прозе Ивана Подсви́рова // Молодая гвардия, 1982, № 1, с. 271.

7 Шагалов А. Своя борозда: о прозе Ивана Подсви́рова // Молодая гвардия, 1982, № 1, с. 270.

8 Горбачёв В. С временем сверяя шаг: Заметки о прозе молодых // Москва, 1977, № 6, с. 204.

9 Леонов Б. Становление биографии: Литературные заметки // Правда, 1973, 5 июня

10 Клитко А. Новая серия «Современника» // Литературное обозрение, 1973, № 8, с. 20.

11 Клитко А. Новая серия «Современника» // Литературное обозрение, 1973, № 8, с. 20.

12 Клитко А. Новая серия «Современника» // Литературное обозрение, 1973, № 8, с. 20.

13 Вуколов Л. Человек ищет себя // Молодая гвардия, 1973, № 9, с. 307.

14 Энтин Б. Перед собой и людьми: над книгами молодых прозаиков // В мире книг, 1973, № 4, с. 53.

15 Энтин Б. Перед собой и людьми: над книгами молодых прозаиков // В мире книг, 1973, № 4, с. 53.

16 Подсви́ров И. Связь времён // Орловская правда, 1981, 13 февр.

17 Подсви́ров И. Хранитель вечного // Орловская правда, 1981, 7 окт.

18 Подсви́ров И. Красные журавли: роман. – М., 1981. – С. 461.

19 Шагалов А. Своя борозда: о прозе Ивана Подсви́рова // Молодая гвардия, 1982, № 1, с. 272 – 273.

20 Самарин В. До самой сути // Орловский комсомолец, 1981, 7 мая.

21 Подсви́ров И. Пожнёшь, что посеешь // Советская Россия, 1981, 12 дек.

22 Подсви́ров И. К свету, к истине // Орловская правда, 1995, 11 янв.